

НА ПУТИ К ПСИХИКЕ КАК ТЕКСТУ

В качестве предисловия: комментарий к письму З.Фрейда – В.Флиссу

Известно, что переписка поистине с огромным кругом людей – членами семьи, друзьями и соратниками, приверженцами психоанализа и его противниками, деятелями культуры и пр. – была излюбленным занятием З.Фрейда. Если бы все, написанное им, можно было выстроить в хронологическом порядке, получился бы подробный дневник его жизни. Некоторые из писем в этом бесконечном ряду представляют собой ценнейший библиографический источник, непосредственно связанный с теорией психоанализа. Их числу принадлежит и цикл писем, адресованных «другу и аналитику на расстоянии» (Фрейд нередко исповедовался своему корреспонденту), специалисту-отоларингологу и биологу Вильгельму Флиссу, в частности письмо № 52 от 6 декабря 1896 года, перевод которого впервые на русском языке публикуется ниже.

В этом письме – три темы. Одна посвящена разрабатываемой Флиссом теории жизненных периодов, исходно обусловленных сроками женских меноциклов. В соответствии с его гипотезой космического детерминизма, система этих периодов и их действие должна распространяться на все живое. Для мужчин он рассчитал 23 дня, вычтя из 28 дней женского цикла 5 дней менструаций. Флисс часто обращался к математическим спекуляциям и, мы видим, с какой готовностью и научным азартом Фрейд включался в эти рассуждения. Лишь много позже он начал понимать, что «теория» его друга целиком относится к области его фантазии.

Вторая тема – женской бисексуальности. Но и ее мы оставим без комментария.

Третья же тема и составляет тот предмет, ради которого мы публикуем именно это письмо из всего эпистолярного наследия Фрейда. Но здесь нельзя обойти молчанием программную работу французского философа, мэтра постструктурализма Жака Дерриды «Фрейд и сцена письма» (1966)¹. В эпиграфе к этой статье он цитирует З.Фрейда: «В чем, собственно, состоит *пролагание пути* – этот вопрос остается открытым» («Набросок

¹ Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // От структурализма к постструктурализму. Французская семиотика. М.: Изд. гр. «Прогресс», 2000.

научной психологии», 1895). Письмо Фрейда как раз и служит наглядной демонстрацией «пролагания пути» к... семиотике психики. А Деррида, в свою очередь, демонстрирует, как надо читать Фрейда, пристально всматриваясь в след его рассуждений в строчках письма. Статья открывается следующими словами:

«Наши притязания весьма скромны – найти в тексте Фрейда несколько опорных точек и, не претендуя на систематичность, выделить в психоанализе все то, что не вмещается в рамки логоцентризма, поскольку они ограничивают не только историю философии, но и становление «гуманитарных наук»².

Деррида прибегает к метафоре «нефонетического письма», охватывающей, как он полагает, «все пространство психики».

«Содержание психики будет представлено графическим по своей сути текстом. Структура же психического аппарата будет представлена пишущим механизмом... Спрашивать следует не о том, является ли пишущий аппарат... удачной метафорой, позволяющей представить функционирование психики; но о том, какой аппарат нужно создать, чтобы представить психическое письмо, и что означает – применительно к письму и применительно к психике – задуманное и осуществленное с помощью механизма подражание такому явлению, как психическое письмо. Не о том, вправду ли является психика своего рода *текстом*, но что такое текст и чем должна быть психика, чтобы текст мог ее представить. И, наконец, каким должно быть соотношение между психикой, письмом и пространственной разнесенностью, чтобы такой метафорической перенос оказался возможен не только и не просто в рамках теоретического рассуждения, но в самой истории психики, текста, техники?»³.

Начиная с 1895 г., когда Фрейдом был опубликован «Набросок научной психологии» и до 1925 года, когда появилась «Заметка о чудесном блоке»⁴, проблематика «пролагания пути», как отмечает Деррида, все более и более сближается с метафорой «письменного следа», после чего «след» начинает превращаться в «письмо».

В послании Флиссу система представлений, изложенная в «Наброске...», воссоздается в виде начертательного построения, примечательная особенность которого заключается в переходе от нейрологии – к психике.

² Op.cit., с.336.

³ Op.cit., с.337.

⁴ Пользуемся переводом, приведенным в статье Ж.Дерриды данного издания. В другом переводе название статьи Фрейда читается как «Заметка о “вечном блокноте”».

Центральное место в этом письме, в чем читатель получит возможность убедиться, занимают такие термины и метафоры, как «знак», «запись», «знак восприятия» (первая запись восприятия), «перезапись», «перевод»...

Фрейд вводит также аспект *времени*, который выступает не только и не столько в форме «жизненных эпох» или какой-либо иной горизонтальной дискретности в установленном «пишущем механизме», но как разрывы и восстановление контакта между уровнями психического, то есть само «письмо», временная ткань психической работы как таковой.

Основная часть статьи Дерриды посвящена прочтению основополагающей работы Фрейда «Толкование сновидений», где метафора письма охватывает собой одновременно «и проблематику психического аппарата с точки зрения его структуры, и проблематику психического текста в его материальности»⁵.

А сейчас, после этого небольшого предисловия, можно уже мысленно последовать за Фрейдом, его *пролаганием пути* к психике как исполненного смысла *тексту*.

3. ФРЕЙД – В. ФЛИССУ⁶

6 дек. 1896 г.

Дорогой Вильгельм!

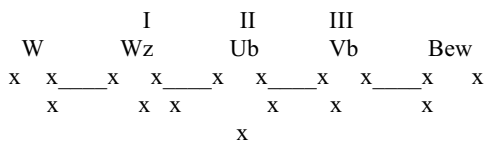
Отработав и заработав сегодня ровно столько, сколько мне для полного счастья потребно (десять часов и 100 флоринов), насмерть усталый и бодрый духом, попытаюсь попроще изложить тебе суть того, о чем в последнее время думаю.

В своей работе я исхожу, как ты знаешь, из той предпосылки, что наш психический механизм возник путем наслаения, в процессе которого наличный материал оставленных в памяти следов образует новые связи и, в соответствии с ними, реорганизуется, *переписывается*. Существенно новым в моей теории является, таким образом, утверждение, что память наличествует не одним-единственным, а многообразным образом, откладываясь в разного рода знаках. Наличие похожей организации предположил я, в свою очередь (афазия), у путей, приходящих с периферии. Сколько имеется таких записей, я не знаю. По меньшей мере, три, а вполне вероятно и больше. Отсюда и нижеприведенная схема, предполагающая, что записи обособлены друг от друга, в частности, тем, что у них различные ней-

⁵ Op.cit., с.346.

⁶ Перевод выполнен по изданию: Sigmund Freud. Briefe an Wilhelm Fliess. 1887–1904 – S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 1986, S.217-226.

тронные носители (не обязательно топически). Предположение это необходимости в себе не несет, но оно – самое простое, и в качестве предварительного вполне допустимо.

Буква *W* [Wahrnehmungen] обозначает на схеме нейроны, в которых возникают *восприятия*. С этими последними, в свою очередь, связано сознание. Однако восприятия эти не сохраняют ни малейших следов происшедшего. *Сознание и память взаимоисключают друг друга*.

Wz [Wahrnehmungszeichen], знаки восприятия, представляют собой первую запись восприятия – запись, не способную стать осознанной и выстроенную на основе ассоциации по признаку одновременности.

Ub [Unbewusstsein], бессознательное, представляет собой вторую запись, сделанную вслед за первой и упорядоченную на основе причинных связей. Следы бессознательного соответствуют, в таком случае, понятийным воспоминаниям, для сознания в равной степени недоступным.

Vb [Vorbewusstsein], предсознание, – это третья транскрипция. Она связана со словесными представлениями и соответствует нашему официальному Я. То, что занимает место в предсознательном, подлежит по определенным правилам осознанию. Причем, это вторичное по своему характеру *мысленное осознание* является по времени более поздним и связано, вероятно, с галлюцинаторным оживлением словесных представлений, так что нейроны сознания оказываются, опять же, нейронами восприятия и сами по себе памяти лишены.

Если бы мне удалось дать полную картину восприятия и трех записей, это стало бы очерком новой психологии. Определенный материал для этого уже имеется, но замысел мой состоит не в этом.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в этих последовательных записях запечатлена психическая работа, проделанная в последовательно сменяющие друг друга жизненные эпохи. На границе двух таких эпох психический материал обязательно должен подвергнуться переводу. Особенности психоневрозов я объясняю для себя тем, что в отношении определенных материй этот перевод не удался, что влечет за собой определенные последствия. Мы твердо держимся представления о тенденции к автоматическому уравниванию. Каждая последующая транскрипция служит помехой более ранней и смещает процесс возбуждения с соответствующего уровня. Там, где позднейшей транскрипции не оказывается, создаются, согласно законам психологии, условия для возбуждения, характер-

ного для более раннего психического периода и распространяющегося имевшимися тогда в его распоряжении путями. Сохраняется, таким образом, некий анахронизм; остается область, где действует еще «*fueros*», местное право, возникают своего рода «пережитки».

Отказ от перевода и есть то самое, что в клинике мы зовем «вытеснением». Мотивом этого последнего всегда является выплеск неудовольствия, к которому перевод может привести, – создается впечатление, что неудовольствие это провоцирует мыслительное расстройство, которое работе перевода препятствует.

Внутри той же самой психической фазы и под записями того же рода сохраняется и *нормальная* защита против усиления неудовольствия; патологическая защита служит лишь для борьбы с непереуверенными еще следами воспоминаний из более ранней фазы.

То, насколько успешно защитный механизм справится с задачей вытеснения, не может зависеть от величины выброса неудовольствия. Ведь зачастую с теми воспоминаниями, что приносят наибольшее неудовольствие, совладать как раз и не удается. Вырисовывается следующая картина. Когда действительное событие *A* вызвало определенное неудовольствие, запись этого события в памяти, АI или АII, дает средство помешать высвобождению неудовольствия при пробуждении воспоминания. Чем чаще воспоминание, тем больше, в конечном счете, высвобождение неудовольствия окажется заторможено. Существует, однако, *один* случай, в котором торможения оказывается недостаточно: когда *A*, высвободившее в качестве действительного события определенное неудовольствие, высвобождает при пробуждении воспоминания неудовольствие повторно, торможения не происходит. Воспоминание ведет себя в этом случае как нечто действительное. Подобное возможно лишь в отношении событий сексуального характера, так как величина возбуждения, которым разрешаются эти события, со временем (то есть по мере сексуального развития) возрастает.

Итак, сексуальное событие, имевшее место в одной фазе, в следующей также ведет себя как действительное и, тем самым, не подлежащее торможению. Условием патологической защиты (вытеснения) является, таким образом, *сексуальная природа события и происшествие, имевшее место в более ранней фазе*.

Не все сексуальные переживания разрешаются неудовольствием, большинство из них вызывает удовольствие. Поэтому воспроизведение большинства из них связано с беспрепятственным удовольствием. Подобное беспрепятственное удовольствие создает *навязчивое состояние*. Мы приходим в результате к следующим положениям. При воспоминании об отличном по фазе сексуальном переживании возникает, если оно разреша-

ется удовольствием, навязчивое состояние, если неудовольствием – вытеснение. В обоих случаях перевод в знаки новой фазы оказывается, судя по всему, затруднен. (?)

Клиника учит различать лишь три группы сексуальных психоневрозов – истерию, невроз навязчивых состояний и паранойю. Она учит также, что вытесненные воспоминания в этих трех случаях относятся к событиям, пережитым в разные возрастные периоды:

при истерии – в возрасте 1,5-4 лет,

при неврозе навязчивых состояний – 4-8 лет,

при паранойе – 8-14 лет.

Однако до четырех лет вытеснения не происходит, так что периоды психического развития не совпадают с фазами развития сексуального.

	1½	4	8	14–15
Психические фазы	Ia	Ib	II	III
Сексуальные фазы	I		II	III

Сюда же относится и следующая схема:

Wz Up to 4	Wz + Ub Up to 8	Wz + Ub + Vb Up to 14–15	Ditto
Истерия в действительности	Навязчивое состояние	Вытеснено в область Wz	
Невроз навязчивых состояний	В действительности	Вытеснено в область бессознательных состояний Ub	
Паранойя	–	В действительности	Вытеснено в область предсознательных знаков Vb
Перверсия в действительности	В действительности	Навязчивое состояние (в действительности)	Вытеснение невозможно или не предпринято

Другим последствием ранних переживаний сексуального характера является перверсия. Возникает она, судя по всему, при условии, что защита не имеет места или терпит неудачу в период, когда психический аппарат окончательно не сформирован.

Вот и все, что касается надстройки. Попробуем теперь подвести под нее органический фундамент. Нам предстоит объяснить, почему события сексуального характера, вызывающие удовольствие, когда они происходят в действительности, при воспоминании в последующей временной фазе у одних людей вызывают неудовольствие, у других – становятся навязчивым состоянием. В первом случае они явно разрешаются неудовольствием, которое, поначалу, разрядки не получало.

Предстоит также вывести два рода временных эпох – психологические и сексуальные. Ты сам показал мне, что эти последние оказываются кратными 28-дневному женскому периоду [π].

$100 \pi = 7\frac{3}{4}$ года; кроме того, $20 \pi = 1$ год $6\frac{1}{2}$ месяцев.

$200 \pi = 15$ лет, $50 \pi = 3$ года 10 месяцев.

Если я буду рассматривать все наблюдаемые периоды как такого рода кратные, то, с одной стороны, останутся без применения 23-дневные периоды, а, с другой, будет по-прежнему непонятно, почему психические и сексуальные фазы не совпадают (4 года разницы) и почему в одних случаях возникает перверсия, а в других невроз.

Поэтому я делаю попытку предположить, что есть мужской материал, с 23-дневной периодичностью, разрядка которого воспринимается обоими полами как удовольствие, и другой, с 28-дневной периодичностью, чья разрядка воспринимается как неудовольствие.

Далее я замечаю, что все психические периоды можно представить как кратные 23-дневному периоду (π), если принять при этом в расчет время беременности.

$3 \times 12 \pi = 1\frac{1}{2}$ года

$6 \times 12 \pi = 3\frac{3}{4}$ года

$12 \times 12 \pi = 8$ лет

$18 \times 12 \pi = 12\frac{1}{4}$ года

$21 \times 12 \pi = 14\frac{1}{4}$ года

$24 \times 12 \pi = 17$ лет

Это означает, что психическое развитие происходит в соответствии с фазами, чья продолжительность кратна 23-дневным периодам в пропорции 3, 6, 12, ... 24 – пропорции, соответствующей двенадцатиричной системе числения.

Единицей является в обоих случаях *время беременности*, равное (в приближении), соответственно, 10-ти или 12-ти π . В результате оказывается, что этапы физического развития составляют пропорцию $3 \times 6 \times 12$, где срок беременности составляет двенадцать 23-дневных периодов, а этапы психического развития – пропорцию $5 \times 10 \times 20$, где тот же срок составляет десять 28-дневных периодов.

Следует заметить, что 1) в психическом развитии внутриутробный период следует учитывать, иначе результаты не сойдутся, в то время как, говоря о сексуальном развитии, счет можно начинать с рождения. Это напоминает о том, что во время беременности происходит накопление материала с 28-дневной периодичностью, разрядка которого наступает лишь при рождении, и 2) 28-дневные периоды складываются в периоды большей продолжительности и с большими интервалами, нежели 23-дневные, как если бы им соответствовал высший порядок человеческого развития (стыд, нравственность). Фазы эти соотносятся друг с другом следующим образом.

	1½	3¾	8	12¼	14¼	17
Психическое	3Т	6Т	12Т	18Т	21Т	24Т
Сексуальное			100 π 10 Т	200 π 20 Т		

Многочисленность психических фаз хорошо согласовывалось бы с предположением о том, что переводы и обновления происходят в психическом аппарате и в дальнейшем. Очевидно также, что на жизненном пути периоды суммируются во все более продолжительные временные фазы.

Отличить невроз от психоза мне помогает свойственная человеку бисексуальность. У существа чисто мужского на обоих границах сексуальных фаз должен возникнуть избыток мужской разрядки, то есть наслаждения, а с ним и перверсия, а у существа чисто женского в это же время возникает, наоборот, избыток субстанции неудовольствия. В первых фазах обе разрядки должны, по идее, происходить параллельно, то есть давать в итоге нормальный избыток наслаждения. Именно этим следует объяснять предпочтение, которое чисто женские натуры отдают неврозам защиты.

Интеллектуальная природа человека получает на почве этой теории свое подтверждение.

Я не могу отделаться от предположения, что различие между неврастением и неврозом тревоги, о котором свидетельствовало мне клиническое чутье, связано с существованием 23-дневной и 28-дневной субстанций.

Но кроме этих двух, чье существование мы здесь предположили, могут быть и другие.

Истерия преимущественно обостряется, по моим наблюдениям, вследствие *перверсивности* совратителя; наследственность *все больше* выступает в форме совращения отцом. Налицо, таким образом, чередование в поколениях:

Первое поколение: перверсия.

Второе поколение: истерия, оборачивающаяся в этой ситуации бесплодием. Подчас в одном и том же лице происходит метаморфоза: перверт в зрелом возрасте становится, начиная с периода тревоги, истериком. Истерия, таким образом, является, собственно говоря, не уклоном сексуальности, а *уклоном перверсии*.

Отсюда и представление о заброшенных *эrogenных зонах*, то есть о том, что в детском возрасте сексуальная разрядка может иметь место во многих частях тела, которые впоследствии способны разрешиться лишь материалом тревоги с его 28-дневным периодом. В этой дифференциации и в этом ограничении и заложена основа для прогресса культуры, для морального развития, равно как и для индивидуального.

Приступ истерии является не разгрузкой, а *действием*, и сохраняет первоначальный характер действия, представляющего собою средство для воспроизводства наслаждения. Во всяком случае, он является таковым по сути своей, хотя и мотивируется в предсознательном другими, самыми разнообразными, способами. Так, приступы сна случаются с теми больными, у которых сексуальный опыт связан со сном; они засыпают, чтобы пережить то же самое вновь. Провоцируя зачастую при этом истерическое бессилие, обмороки, приступы истерического плача; причем все это рассчитано на *Другого*, в большинстве случаев на того доисторического незабываемого Другого, который ни для одного из позднейших недосягаем. Таким же образом объясняется и хронический симптом *тяги к постели*. Один из моих пациентов до сих пор, как некогда, хнычет во сне (чтобы мама, умершая, когда ему было 22 месяца, взяла его с собой); о приступе как «усиленном выражении душевного движения» здесь, похоже, говорить не приходится.

Небольшой пример из повседневной практики. У одной из моих пациенток, в истории которой главная роль принадлежит в высшей степени первертному отцу, имеется младший брат, слывущий отъявленным негодяем. И вот однажды он является ко мне с заплаканными глазами и начинает доказывать, что никакой он не подлец, а просто больной человек с ненормальными побуждениями и волевой заторможенностью. Вдобавок, вне всякой связи с этим, он жалуется на сильные головные боли в области носа. Я отправляю его к сестре и зятю, и он навещает их. Вечером сестра просит меня придти ввиду ее тяжелого состояния. Посетив ее на следующий день, я узнаю, что после ухода брата у нее случился приступ сильнейшей головной боли, которой она обычно никогда не страдала. Причина: брат рассказал ей о своем сексуальном поведении в двенадцать лет — когда его сестры вечером раздевались, он целовал (лизал) им ноги. К это-

му присоединилось сохранившееся в бессознательном воспоминание о сцене, когда она, в возрасте четырех лет, подглядела, как отец в любовном упоении целовал ноги кормилице. Таким образом, она догадалась, что любовное пристрастие сына унаследовано им от отца, а также о том, что этот последний совратил его. Теперь она могла идентифицировать себя с ним, позаимствовав у него головную боль. Это последнее оказалось, впрочем, возможным еще потому, что в той же сцене отец в любовном пылу не заметил, как заехал спрятавшегося под кроватью ребенку сапогом по голове.

Брат ненавидит всяческие извращения, страдая в то же время от навязчивых побуждений. Это значит, что он определенные побуждения вытеснил и на смену им пришли другие побуждения навязчивого характера. В этом и состоит секрет навязчивых побуждений вообще. Будь у него возможность оставаться первертом, он был бы здоров, как и его отец.

Интересно, что вычисление путем последовательного сложения *ничего* не дает, независимо от того, учитываем мы внутриутробный период, или же нет.

I. $12 \pi = T$ [Tragzeit, период беременности] = 276 дней (в утробе)

+

$3 \times 12 \pi = 3T = 2$ года 3 месяца (вне утробы)

+

$6 \times 12 \pi = 9T = 6$ лет 9 месяцев

+

$12 \times 12 \pi = 21T = 15$ лет 9 месяцев.

II. $12 \pi = 9$ месяцев

+

$3 \times 12 \pi = 4T = 3$ года

+

$6 \times 12 \pi = 10T = 7$ лет 6 месяцев

+

$12 \times 12 \pi = 22T = 6\frac{1}{2}$ лет.

Результат сходится только с учетом внутриутробного периода 12π и при общем суммировании, как в предыдущем письме [имеется в виду первая часть этого же письма – А. Ч.]. Должно же это что-то да значить!

Я очень рад, что они твоего доклада уже не поняли. Можно теперь бранить их со спокойной совестью; народ это недалекий и нужно, чтобы они нас оставили в покое.

Теперь о личных делах: Оскар и Мелани были у нас и произвели хорошее впечатление. Так что я рад буду снова иметь с ним дело. По поводу справедливости слуха о связи между Марией Б[онди] и Робертом Бр[ейером] я не собираюсь *ничего* у тебя спрашивать открытым текстом, но мне, между нами говоря, об этом известно. Я желаю им всего наилучшего, но твердо положил для себя, что с Брейеровской родней общаться не стану.

Работаю я вовсю, по 10-11 часов в день, и зарабатываю, соответственно, неплохо, но при этом почти потерял голос. Интересно, что это – перенапряжение связок, или аневризма? Но ответа я *никакого* не жду. Лучше всего *travailler sans raisonner* [работать, не рассуждая. – А. Ч.], как советовал старина Кандид.

О спонтанном исчезновении неподвижности зрачков при сухотке спинного мозга я фактически ничего не знаю и сомневаюсь, что можно что-то найти. Конечно, *a priori* это весьма маловероятно. Фосфор, разумеется?

Мою комнату украшают теперь гипсовые копии флорентийских скульптур. В свое время они произвели во мне необыкновенный душевный подъем, и теперь я желал бы разбогатеть, чтобы проделать это путешествие снова. Конгресс на земле Италии! (Неаполь, Помпеи).

Сердечный привет всем
Твой Зигм.

Перевод с англ. *А.К. Черноглазова*